УДК 159.9.01

А. А. Фёдоров

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: fedorov@fp.nsu.ru

КАТЕГОРИЯ ПРИЧИННОСТИ В РАДИКАЛЬНОМ БИХЕВИОРИЗМЕ

Статья посвящена анализу причинности в радикальном бихевиоризме. Показано, что модель функциональной зависимости не исчерпывает радикально-бихевиористского понимания причинности. Аутентичной моделью признается модель отбора по последствиям, которую предлагается рассматривать как диалектическое взаимодействие.

Ключевые слова: причинность, радикальный бихевиоризм, функциональная зависимость, селекционизм, Скиннер, Мах.

This paper deals with the concept of causality in radical behaviorism. It is shown that the model of functional relation does not exhaust radical behavioristic interpretation of causality. Selection by consequences is considered as the authentic to radical behaviorism model, and it is suggested to regard it as dialectical interaction.

Key words: causality, radical behaviorism, functional dependency, selectionism, Skinner, Mach.

Категория причинности является одной из наиболее важных научных категорий. Можно показать, что именно в трактовке причинности коренятся фундаментальные различия между классическими психологическими школами. Вопрос о причинах поведения (коренятся ли они в бессознательном, среде или самости) является одним из центральных для психологии, и радикальный бихевиоризм (бихевиоральный материализм) в этом плане не исключение. Эту школу психологии давно принято обвинять в позитивистских методологических установках, а потому и причинная связь часто трактуется в ней лишь как функциональная зависимость. При этом указывают на влияние Маха, под которым некоторое время находился молодой Скиннер. Мы, однако, полагаем, что подобная трактовка не является аутентичной для радикального бихевиоризма, что и попытаемся показать в настоящей статье.

Философские истоки радикального бихевиоризма

Бихевиоральный материализм как философия, лежащая в основе одной из наук о поведении, имеет достаточно богатую интеллектуальную историю. Ее реконструкция является одним из излюбленных занятий радикальных бихевиористов. В рамках статьи представляется уместным привести «интеллектуальное семейное древо» бихевиорального материализма, которое мы реконструируем, опираясь на работы Моррриса и Тодда [8], а также Лихи [2]. Их взгляды являются точкой зрения, превалирующей в среде «философствующих» радикальных бихевиористов, а потому могут послужить хорошей отправной точкой для нашего дальнейшего анализа.

Интеллектуальное влияние на радикальный бихевиоризм можно разбить на три группы (взаимосвязанные между собой, но одновременно и относительно самостоятельные):

1) *естественно-научные интеллектуальные истоки*, связанные с построением объективной русской психологии и физиологии (ключевой фигурой выступает здесь Павлов);

2) *прагматистские и позитивистские интеллектуальные истоки*, основное значение среди которых имеют прагматизм Дьюи и эмпириокритицизм Маха;

3) *эмпиризм и материализм Ф. Бэкона.*

© А. А. Фёдоров, 2007

Интеллектуальное семейное древо радикального бихевиоризма

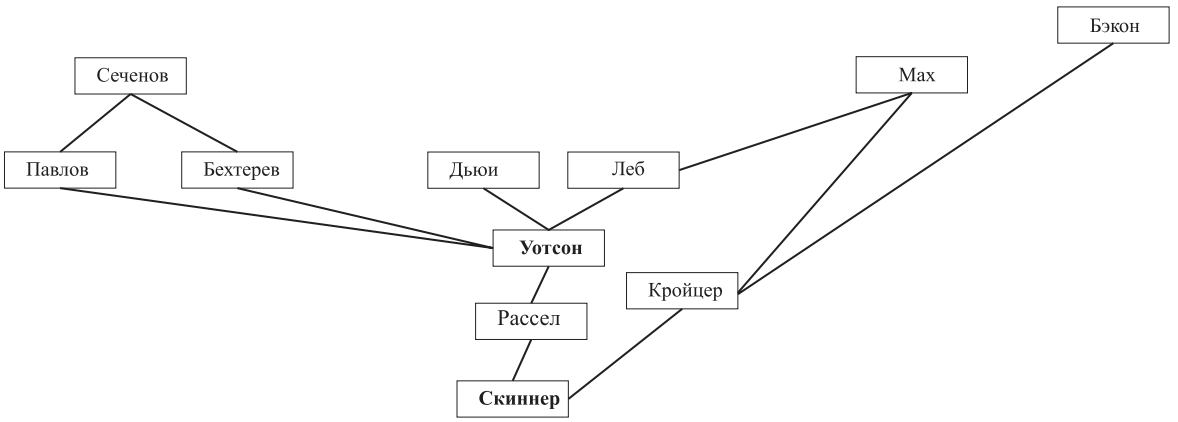

Схема требует некоторых пояснений. Влияние прагматизма на Скиннера связано с тем, что Джон Уотсон, будучи в Чикаго, писал свою диссертацию по философии под руководством Джона Дьюи [6]. Через него Скиннер ознакомился также с трудами функционалиста Джеймса Энджелла, ученика и коллеги Дьюи.

О бихевиоризме Дж. Уотсона Скиннер узнал из статей Бертрана Рассела (см. [2]). С работами физиолога механистического толка Жака Леба и Ивана Петровича Павлова Скиннер ознакомился еще в колледже, а лекции последнего он посещал непосредственно.

Первая психологическая работа Скиннера (1931) была посвящена применению радикального описательного позитивизма Маха к концепции рефлекса. Уже в той работе Скиннер пришел к выводу, что рефлекс не является сущностью внутри организма животного, а представляет собой лишь общепринятое описательное понятие правильного соотношения между стимулом и реакцией. Это, по-видимому, и предвосхитило его отказ от всех гипотетических сущностей.

Что касается работ Бэкона, то с ними Скиннер ознакомился в ранней молодости, а впоследствии не раз уважительно отзывался о великом индуктивисте. В литературе встречаются упоминания того, что молодой Скиннер самостоятельно приписал авторство пьес Шекспира Бэкону [1].

В контексте поставленных нами задач наиболее важным представляется проанализировать амбивалентное влияние эмпириокритицизма Маха на радикальный бихевиоризм.

Эмпириокритицизм и радикальный бихевиоризм

Позиция Маха в начале XX века приобрела достаточно широкую известность, в том числе среди физиологов, работая под руководством одного из которых – В. Кройцера, горячего поклонника эмпириокритицизма, Скиннер также попал под его влияние. Сам Скиннер, однако, нигде явно не пишет о том, насколько велико было это влияние, что дает повод для множественных интерпретаций.

Мах, очевидно, придерживался функционального взгляда на причинность. Для него причина выступала лишь функциональной взаимосвязью между зависимой и независимой переменной. Мах сам говорит об этом вполне однозначно:

«…намерение исследовать какую-нибудь область возможно только при допущении, что эту область можно вообще исследовать. Но такое допущение предполагает постоянства, ибо что же другое может быть установлено исследованием? А такие постоянства суть зависимости элементов данного друг от друга, **функциональные отношения или уравнения** между этими элементами. С решением такого уравнения достигается… более определенное и ясное **причинное** понимание. Вообще говоря, неважно, видим ли мы в уравнениях физики выражение субстанций, законов или в особых случаях выражение сил; во всяком случае они выражают функциональные зависимости» [3. С. 279].

Пишет он и о том, что в развитой науке понятие причинной взаимосвязи уступает место взаимосвязи функциональной:

«В естественных науках, достигших высокого развития, употребление понятий причины и действия все более ограничивается, становится все реже… Как только удается охарактеризовать элементы событий измеримыми величинами… взаимная зависимость элементов друг от друга гораздо полнее и точнее выражается **понятием функции**, чем столь малоопределенными понятиями, как причина и действие» [3. С. 275].

Укажем лишь на то сейчас, что крайне сложно однозначно сказать, был ли Скиннер согласен с подобным подходом к причинности. С одной стороны, в его трудах причинная связь часто определяется через функциональную зависимость, с другой – некоторые исследователи отмечают, что Скиннер, как и всякий серьезный теоретик, развивал свои взгляды. И развитие это происходило в направлении от функциональной к селекционной модели причинности [9]. И если первая напрямую связана с влиянием Эрнста Маха, то вторая представляет собой вполне материалистическую концепцию детерминации поведения. На наш взгляд, радикальный бихевиоризм должен продолжить эту линию.

Резюмируя влияние Маха на Скиннера, Майкл (1993) пишет:

«Некоторые из мыслей Маха, которые можно встретить у Скиннера, включают следующие принципы: наука происходит из практических нужд каждодневной жизни; наука – это просто более эффективное поведение; причины – это не более чем функциональные отношения, а объяснения – это не более чем описания функциональных отношений; единственная эффективная эпистемология – эмпирическая» [7. С. 24].

Нам кажется, что можно согласиться со всеми этими характеристиками за одним, как следует из всего вышесказанного, исключением, и оно касается как раз взглядов на причинность.

Функциональная зависимость или селекционизм?

Многие теоретики радикального бихевиоризма в настоящее время склонны трактовать причинность как функциональную взаимозависимость, и ничего более. На наш взгляд, это связано с тем, что Скиннер действительно достаточно часто говорит о «причине» как об «изменении в независимой переменной». Показательно следующее его высказывание:

«Термины “причина” и “следствие” больше широко не используются в науке. Они связаны с таким количеством теорий о структуре и функционировании Вселенной, что означают больше, чем хотят сказать ученые. Старая “причинно-следственная” связь становится “функциональным отношением”. Новые термины не говорят о том, что причина вызывает свое следствие; они просто утверждают, что разные события имеют тенденцию происходить вместе в определенном порядке… Нет особой опасности в использовании слов “причина” и “следствие” в неформальной беседе, если мы всегда готовы заменить их на более точные термины» [11. С. 23].

Понимание причинной связи как функциональной зависимости возникло у Скиннера в самом начале научной карьеры, на что мы уже указывали. Но наряду с этим Скиннер постоянно указывал на то (и цитата, подтверждающая это, уже в тексте приводилась), что поведение закономерно и детерминированно, а «наука – это нечто большее, нежели просто описание происходящих событий. Это попытка открыть порядок, показать, что определенные события находятся в закономерных отношениях с другими событиями» [Там же. С. 6].

И в этом состоит противоречие, которое радикальный бихевиоризм должен устранить. С одной стороны, Скиннер, находясь под влиянием Маха, отстаивает понимание причинности как функциональной зависимости, с другой – стоит на позициях детерминизма и материализма. Усугубляя противоречие, отметим, что сам Э. Мах, отстаивая концепцию функциональных отношений, писал:

«Правильность позиций “**детерминизма**” или “**индетерминизма**” доказать нельзя… и тот, который в теории является крайним детерминистом, на практике все же бывает вынужден оставаться индетерминистом» [3. С. 279–280].

Скиннер, таким образом, расходится с Махом и по этому пункту. Более того, согласно функционализму причины и действия должны трактоваться как играющие одинаковую роль и находящиеся в отношении симметрии [4], что очевидно противоречит тому, что, с точки зрения Скиннера, при респондентном обусловливании стимул *вызывает* реакцию. При этом стоит отметить, что связь в этом случае носит характер *необходимости*:

«Рефлекс важен при описании поведения, поскольку он, по определению, утверждает необходимость этого отношения (отношения между стимулом и реакцией. – *А. Ф.*)» [13. С. 449].

Как бы то ни было, в рамках бихевиорального материализма отвергается понятие причинно-следственной связи как функционального отношения. При этом стоит отметить, что приведенная цитата указывает на то, что в начале своей карьеры Скиннер придерживался метафизического детерминизма (работа, из которой взята цитата, опубликована в 1935 году).

Но совсем иной характер имеет другая модель детерминации поведения, разработанная в рамках радикального бихевиоризма. Эта модель *отбора по последствиям* (*selection by consequences*). В этом случае каузальной ролью наделяется не предшествующий стимул (как при респондентном поведении, S → R), а последствия. И эта детерминация носит не характер необходимости, а является вероятностной. Вот что пишет Скиннер:

«Человеческое поведение контролируется изменением окружающих условий. Этот контроль является вероятностным. Организм не принуждается к определенному поведению, просто становится более вероятным, что он будет вести себя определенным образом» [10. С. 259].

В этой модели одним из ключевых понятий становится понятие «контингенция» (contingency). Это термин, означающий связь одного события с другим (например, действия с каким-то изменением в окружающей среде) и указывающий на то, что эта связь образовалась случайно. Иначе говоря, контингенция – это случайная связь. Ее можно понимать как ассоциацию (*contiguity*), однако термин «ассоциация» эксплицитно не подразумевает случайности.

Более того, модель отбора по последствиям крайне отлична от махистского понимания причинности как не более чем функциональной зависимости.

«Отбор по последствиям – это вид причинности (каузальная форма), наличествующая только у живых существ или у машин, созданных живыми людьми. Впервые он был обнаружен в естественном отборе, но он также ответственен за формирование и поддержание поведения индивида и за эволюцию культур. Во всех этих трех областях он заменяет каузальные модели классической механики» [12. С. 501].

Скиннер отмечает важность теории Дарвина, которая сломала старое представление о необходимости, а вместе с ним и представление о всеобщности жесткой детерминации. Окружающая среда не только (и не столько) «подгоняет» и «стегает», она *отбирает*. Ее роль подобна той, что она играет в естественном отборе, хотя и в совершенно другом временном масштабе. И она была не замечена по той же причине. Именно поэтому Скиннер указывает на то, что мы должны учитывать воздействие среды на организм не только до реакции, но и после. Поведение формируется и подкрепляется своими последствиями. Поведение, воздействующее на окружающую среду, можно изучать, формируя окружение, в котором от него зависят определенные последствия. Исследуемые контингенции постоянно усложняются, и одна за другой они принимают на себя объяснительные функции, ранее приписываемые личностям, состояниям сознания, чувствам, чертам характера, целям и намерениям.

Работы Скиннера, таким образом, перекликаются с работами Дарвина, хотя, как отмечает Смит, последний послужил для него лишь косвенным источником влияния. До XIX века считалось, что среда – это лишь пассивное окружение, в котором рождаются, размножаются и умирают разнообразные виды организмов [1]. Мало кто понимал, что именно окружающая среда ответственна за то, что *существует* множество разнообразных видов. Довольно знаменательно, что этот факт приписывался Творцу, которого Дарвин лишил его роли. Для Скиннера же предметом отбора были реакции. Применяя модель отбора по последствиям, он смог отказаться от ментальных конструктов, которые были созданы, чтобы объяснить поведение.

Также нам хотелось бы обратить внимание на то, что в модели отбора по последствиям детерминация поведения имеет, по существу, характер взаимодействия.

«Именно взаимодействие определяет отношение причины и следствия. Каждая из взаимодействующих сторон выступает как

[1] Так полагает Скиннер, хотя элементы эволюционизма можно найти уже в античной мысли.

причина другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны. Взаимодействие обуславливает развитие объектов» [5. С. 81].

Осознание в диалектическом материализме того, что причинность есть лишь отдельный случай универсального взаимодействия, крайне важно и для радикального бихевиоризма. Следствие, изменение в среде, которое производится определенным поведением, одновременно оказывается и причиной того, что впоследствии оно будет встречаться чаще или реже. Таким образом, происходит взаимодействие между причиной и следствием в рамках модели отбора по последствиям. В ней происходит отказ от той точки зрения, в основе которой лежит «шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие» (цит. по: [4. С. 97]).

Под это критическое замечание Энгельса попадает классический бихевиоризм (уотсоновский), рассматривающий исключительно однонаправленное воздействие стимула на реакцию (респондентное обусловливание).

Можно с осторожностью предположить, что модель отбора по последствиям является диалектической моделью, а потому представляется крайне важным анализ того, как диалектический материализм может способствовать развитию бихевиорального материализма (радикального бихевиоризма) как философии бихевиорологии. В этом направлении уже идет определенная работа (так, автор данного исследования совместно с Дж. Улманом, который и ввел термин «бихевиоральный материализм», пытаются соединить диалектическую культурно-историческую психологию Л. С. Выготского с радикальным бихевиоризмом Скиннера). Отмечается бихевиорологами и ценность критики эмпириокритицизма, которую дал Ленин, что позволяет более четко отследить влияние Маха на Скиннера. Так, Дж. Улман пишет:

«Когда философия Маха обсуждается в связи с материализмом, делается ссылка на резкую критику Маха Лениным в “Материализме и эмпириокритицизме”… Я согласен с большей частью ленинской критики феноменализма Маха» [14. С. 3].

На наш взгляд, диалектическое понимание детерминации сможет значительно обогатить радикально-бихевиористскую концепцию поведения, но это должно стать предметом отдельного тщательного анализа, невозможного в рамках данной статьи.

* * *

Функциональная зависимость и селекционизм взаимно исключают друг друга. В первой модели отрицаются какие бы то ни было причинные взаимодействия, во второй же утверждается особый вид причинности (детерминации). Радикально-бихевиористская концепция причинности по меньшей мере не исчерпывается махистским пониманием причинности как функционального отношения. Сведение причинности к функциональной зависимости, характерное для Скиннера на начальных этапах разработки своей теории, не характерно для зрелого радикального бихевиоризма, в котором на первое место выходит модель отбора по последствиям. С этих позиций крайне важно, на наш взгляд, то, что возможно толкование отбора по последствиям как диалектической модели детерминации поведения, что делает важным и необходимым включение диалектики в систему радикального бихевиоризма.

Список литературы

1. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. СПб.: Изд-во ДНК, 2000. Т. 1: Экспериментальная психологика. 528 с.

2. *Лихи Т.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003. 448 с.

3. *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.

4. *Мусабаева Н. А.* Проблема причинности в философии и биологии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. 294 с.

5. *Философский* энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М.: Сов. энцикл., 1983.

6. *Шульц Д. П., Шульц С. Э.* История современной психологии. СПб.: Изд-во «Евразия», 1998. 528 с.

7. *Michael J. L.* Concepts and principles of behavior analysis. Kalamazoo, MI: Society for the Advancement of Behavior Analysis, 1993.

8. *Modern* Perspectives on B. F. Skinner and Contemporary Behaviorism / Eds. E. K. Morris, J. T. Todd. Westport, CT: Greenwood Press, 1995.

9. *Moxley R. A.* Skinner: From Essentialist to Selectionist Meaning // Behavior and Philosophy. 1997. Vol. 25 (2). P. 95–119.

10. *Skinner B. F.* Answers for my critics // Beyond the punitive society / Ed. by H. Wheeler. San Francisco: Freeman, 1973. P. 256–266.

11. *Skinner B. F.* Science and Human Behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.

12. *Skinner B. F.* Selection by consequences // Science. 1981. Vol. 213. P. 501–504.

13. *Skinner B. F.* The generic nature of the concepts of stimulus and response // Cumulative record. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1972. P. 447–476.

14. *Ulman J. D.* A Footnote on Ernst Mach. A paper presented on 17 March 2001 at the annual meeting of the International Society for Behaviorology. Chicago, 2001.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2007